

УДК 341.362.1

*Н. А. Зелинская***ПИРАТСТВО КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ *JURE GENTIUM***

Сегодня, в начале XXI века, восставшее, как призрак из глубины веков, пиратство представляет реальную угрозу международной безопасности. Захват 18 октября в 2005 г. в территориальных водах Сомали либерийского судна «*Rapagia*» с украинским экипажем на борту стал одним из первых драматичных доказательств остроты проблемы пиратства для Украины, но, к сожалению, далеко не последним. События последних лет свидетельствуют об эскалации этой опасности.

Океаны становятся ареной преступной деятельности. Пиратство и вооруженный разбой против судов посягают на жизнь, здоровье моряков и безопасность международного судоходства, на которое приходится 90 процентов грузовых перевозок в мире [1]. Как и многие сотни лет назад, мировое сообщество в поиске эффективного механизма противодействия этому феномену концепции пиратства *jure gentium* и теории универсальной юрисдикции. «Согласно этой теории, основную мысль которой высказывал уже Гуго Гроций, основной вопрос не в том, какое государство имеет право наказывать, а в том, чтобы ни одно преступление не осталось ненаказанным. Универсальная юрисдикция как юрисдикция государства, в котором обвиняемый фактически задержан, была упомянута уже в *Corpus Juris Civilis*» [3, с. 17]. Универсальность юрисдикции относительно преступлений пиратства является, по существу, единственным случаем однозначного ее признания и применения со стороны государств [23, р. 38; 24, р. 91].

Пиратство является самым древним преступлением, относительно которого государства использовали принцип универсальной юрисдикции в соответствии с международно-правовым обычаем, притом что в договорном праве определения пиратства не существовало до 1958 г. [36, р. 218]. Как известно, Первая конференция по морскому праву 1958 г. приняла Конвенцию об открытом море, включавшую восемь статей о пиратстве. В Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. были

внесены аналогичные положения. Несмотря на содержащиеся в конвенциях по морскому праву нормы, допускающие применение универсальной юрисдикции, она остается обычно-правовой, поскольку касается архаичного *crimen iure gentium*.

Выдающийся британский ученый Дж. Шварценбергер, обращаясь к пиратству как наиболее часто приводимому примеру международных преступлений, в 1950 г. писал, что нормы международного права о пиратстве как преступлении *jure gentium* составляют предписание к государствам, направленные на то, чтобы расширить национальную юрисдикцию в отношении таких деяний за пределы государства. Основываясь на таком походе, Дж. Шварценбергер приходил к выводу, что пиратство может быть названо преступлением *jure gentium* только с точки зрения естественного права, нашедшей отражение в Конвенции об открытом море 1958 г., называемой «естественно-правовой» моделью, в противоположность которой с точки зрения позитивиста, «пиратство» — исключительно преступление внутригосударственного права, и единственный вопрос, входящий в сферу международного права, это вопрос о юрисдикции государства, позволяющей применить внутригосударственное уголовное право по отношению к иностранцу, действующему вне территориальной юрисдикции [37, р. 263, 268, 295].

«Единственным случаем международно-правового обычая, устанавливающего применение универсальной юрисдикции, является пиратство. Основным аспектом, который отличает универсальную юрисдикцию относительно пиратства от современных конвенционных форм универсальной юрисдикции, — это тот факт, что государства считают целесообразным осуществлять уголовное преследование пиратов в своих местных судах, ссылаясь на международный обычай универсальной юрисдикции относительно них как преступников *hostes humani generis*, а не соглашались с ее возможным применением путем подписания соответствующих соглашений, — замечает Н. Д. Джойнер [27, р. 56].

Международно-правовая концепция пиратства как преступления *jure gentium* служит, таким образом, основой для применения универсальной юрисдикции, в силу чего уяснение содержания понятия «пиратство» как преступления по общему международному праву представляет несомненный интерес и неизбежно обращает нас к достаточно изученной проблематике истории его формирования (ни в коей мере не претендуя на ее освещение) с единственной целью — поиска ответа на вопрос о том, насколько адекватно современное конвенционное определение пиратства его исторически сложившемуся понятию.

Истоки понятия «пиратство» ищут в глубокой древности. «Происхождение слова «пират» не вполне ясно, но то, что оно родилось в Греции, — несомненно. Большинство исследователей склоняются к тому, что слово «пиратство» произошло от древнегреческого *peirai* — совершать нападение. Им уже пользовались такие писатели древности, как Полибий и Плутарх» [2, с. 6; 38, р. 41–42]. Термин «пират» или его

аналог в классических текстах Древней Греции применялся к любому, кто атаковал судно в море. Упоминание о пиратстве встречается в текстах Фукидида, который писал об усилиях правителя Крита Миноса освободить моря от пиратов. «Древнейшее в Европе государство, возникшее на острове Крит, обязано своим развитием мореходам-торговцам... — напоминают В. Прус и Р. Короткий. — Мощный флот позволил Миносу, а за ним и другим правителям Крита, подчинить «многие земли» (Геродот). Отсюда опять-таки на кораблях критского флота плыли к берегам острова заморские богатства и рабы. Сами же эти корабли, как и суда критских купцов, которые отправлялись с товарами в поисках новых земель, были вожаками добычей пиратов Эллинского моря. С ними Минос вел постоянную борьбу, но искоренить их на просторах Средиземноморья, как, впрочем, и жители Эллады, а позже — и Римская империя, не смог. Часть дани, предназначенная для Миноса, часть товаров, произведенных критскими ремесленниками и земледельцами, оседали в убежищах пиратов» [13, с. 115].

В период становления Римской империи как сильной цивилизации проблема пиратства приобрела особое значение. «В римских юридических сборниках — дигестах — зафиксирован закон, приписываемый мудрому греческому законодателю Солону, где перечислены три равноправные профессии: моряки, пираты и купцы. Никто не мог игнорировать пиратский промысел, хотел он того или нет. Тут все зависело от обстоятельств, как и то, кому быть дичью, а кому охотником. И никто не знал, в какой из этих ипостасей ему придется выступить, едва родной берег скроется из виду. Это была единая «трехглавая профессия», наподобие греческой богини Гекаты или карфагенской Истины, — рассказывают В. Л. Григорян и В. И. Дмитриев, заключая: «Тысячу раз прав был Гете, утверждавший устами Мефистофеля, что «война, торговля и пиратство — три вида сущности одной» [2, с. 5].

Невзирая на то, что акты пиратства осуждались властью, пиратство долго оставалось одним из средств ведения войны, вследствие чего концепция пиратства в древности фактически не отделяла его от действий военного характера. Государства вели «войны с пиратами». «Чтобы очистить Средиземное море от морских разбойников, Рим неоднократно предпринимал войны с пиратами, и ему удалось значительно ограничить развитие морского разбоя, процветавшего в древности», — писал Ф. Ф. Мартенс [10, с. 58–62].

Понятие «пиратство» было чрезвычайно политизировано: оно использовалось для обвинения врагов и оправдания собственных действий во время войны. Рим пытался бороться с пиратством с помощью *lex de provinciis praetoriis* и призывал все государства помогать ему в этой борьбе, в частности, посредством отказа в предоставлении пиратам баз, с которых они могли бы осуществлять свои нападения. Общая неприемлемость пиратства стала, в определенной мере, фундаментом для будущего построения концепции универсальности международного преступ-

ления пиратства. Рим считал пиратов «всеобщими врагами» и «международными публичными врагами». Таким образом, пираты со времен Греции и Рима по сегодняшний день являются врагами человечества, что позволяет говорить о том, что пиратство, в какой-то степени, объединило государства в борьбе с ним [38, р. 41—42].

Ч. Г. Александрович утверждает: «В античные времена существенным фактором, который влиял на становление феномена пиратства, была нехватка эффективной власти организованного политического сообщества. Греция (как потом и Рим) боролась с пиратством, чтобы распространить свой контроль над морскими пространствами. На территории *raex romana* любые военные действия были запрещены. Концепция территории мира и войны (*duellum*, потом *bellum*) неуклонно поддерживалась правителями Рима. Война в этот период определялась не только как война между государствами, но и как любой военный конфликт, даже если он включал частные интересы. Позднее Г. Гроций различал частные и публичные войны. Св. Августин настаивал на их ограничении по моральным основаниям, полагая, что использование силы может быть оправданным только как реакция на несправедливость или страдание. Это стало фундаментом для доктрины *bellum justum*. Возможность и обязанность государства контролировать использование силы является основной его компетенции. Монополия на использование силы была основной характеристикой государств. Те, кто нарушал эту монополию, назывались пиратами или разбойниками. Несмотря на существующий принцип свободы открытого моря, эта свобода не была абсолютной — океан был предметом правового регулирования. Некоторые государства даже заявляли об их суверенитете над целыми морями и океанами — так, Венеция заявляла о ее юрисдикции относительно Адриатики. С тех времен, когда Г. Гроций писал о принципе *mare liberum*, свобода открытого моря означала недоминирование отдельного государства, однако не правовой вакуум. После открытия нового мира европейцы установили морской правовой режим, который отличался от территориального режима государства. Следовательно, пираты были лицами, которые вели войну незаконно, они были врагами всего человечества, преступниками, находящимися «вне закона». Пиратство, таким образом, стало *sceleris iuris gentium*, то есть преступление против общего правопорядка всех наций» [16].

Парадоксальным явлением в истории пиратства как преступления *jure gentium* стал институт каперства, превращавший преступника *hostis humani generis* во вполне «легитимного» профессионального морского разбойника. Выдача официальных каперских патентов в Европе, предположительно, началась во второй половине XII в. и получила большое распространение. В основе каперского права лежало «естественное право на возмездие». С XIII в. в некоторых странах, например в Англии, лицензии на возмездие стали называться каперскими патентами. Поскольку каперами были частные лица, чаще всего пираты, которые

с разрешения властей снаряжали за свой счет судно с целью захвата купеческих судов неприятеля или даже нейтральных держав, то в Англии, помимо термина «капер», использовался термин «приватеры». Во Франции в XIII—XIV веков также практиковалась выдача лицензий на осуществление возмездия. Королевские корсарские патенты предоставляли корсарам возможность под защитой королевской власти грабить и убивать тех, кто был назван в числе врагов французской короны. Правители некоторых европейских стран предпринимали попытки разработать основы «каперского права». Доступность каперского патента в эпоху средневековья, особенно в XIV—XV веках, вела к тому, что капером мог стать практически любой человек, вследствие чего, по существу, произошла «легализация» пиратов [14, с. 239—241].

Каперы, в определенной мере, восполняли недостаток численности регулярной армии и флота. Пиратство процветало в Англии времен королевы Елизаветы. Это была грандиозная «эра» пиратства, длившаяся, как полагают, приблизительно до 1620-х годов. Вместе с тем пиратство было криминализировано (*An Act for the Punishment of Pirates and Robbers of the Sea*, 1536; *An Act for the More Effectual Suppression of Piracy*, 1700) и сурово наказывалось. Грань между пиратом и капером часто становилась гранью между королевскими наградами и виселицей. Один из наиболее известных истории английский пират — Г. Морган — был выдающимся военачальником, добивавшимся громких побед во имя Английской короны. Несмотря на то, что над пиратом иногда сгущались тучи и ему грозило правосудие, он получил дворянский титул и должность вице-губернатора Ямайки. Вряд ли можно безапелляционно утверждать, что все его действия совершались только ради обогащения.

Пиратство не было только европейским феноменом. «Испокон веков пиратство существовало у китайских берегов и в Малаккском проливе, у берегов Индонезии и Филиппин — везде, где проходили торговые пути. В Северо-Восточной Азии китайцы называли пиратов «вокоу», корейцы — «вагу», а японцы — «вако» [8, с. 17]. В летописях японского императорского двора IX—X веков отражена активность морских пиратов. Приказом императорского двора 932 г. даже учреждалась должность «цуйбу кайдзоку си» (уполномоченного по преследованию и аресту пиратов). Пираты действовали не только в целях личного обогащения. «Король пиратов» в японской истории — Фудзивара Сумитомо — в 936 г. поднял восстание и сумел объединить под своим командованием значительные силы. Сумитомо поставил под контроль все судоходство в акватории Внутреннего моря, под его командованием находились сотни кораблей. Только в 941 г. императорским войскам удалось его разгромить [8, с. 17, 18].

Как известно, к концу средневековья в бассейне Средиземного моря, в котором еще с античных времен сложились традиционные очаги пиратства, возник еще один, новый и мощный центр морского разбоя. Он

вошел в историю не только мореплавания, но всей средиземноморской цивилизации под названием «варварийский», его главной базой стал остров Джарба в заливе Сирт (Сурт). Варварийскими государствами в XVI веке называли в Европе Марокко, Алжир, Тунис, чьи порты стали пиратскими базами [11; 13, с. 35]. Пираты не только участвовали в боевых действиях, но и возглавляли морские силы Османской империи, удостоивались самых высоких почестей.

Практика привлечения частных судов к морской войне получила широкое распространение и считалась обычной до XIX столетия. Государство, которое выдавало каперское свидетельство, стремилось к достижению своих публичных интересов, обусловленных, впрочем, желанием отдельных людей удовлетворить собственные потребности. Каперство использовалось государством и с целью наживы, и с целью ослабления внешнего политического противника. Изданный в 1720 г. в Российской империи морской Устав содержал следующее определение понятия «капер»: «Торговое морское судно, вооруженное и наносящее вред неприятелю с разрешения правительства, то есть морской партизан». Трудно отрицать то обстоятельство, что пиратство всегда имело более или менее выраженный политический компонент. Руководила пиратами, безусловно, и в первую очередь, цель обогащения, однако она нередко переплеталась со стремлением к обретению власти, влияния на власть, а пираты пользовались поддержкой государственной власти в действиях, направленных против ее противников. Следует заметить, что понятие частных целей в этом аспекте не тождественно понятию корыстных интересов. Речь идет в данном случае о *негосударственных* интересах, которые вполне могут быть сопряжены с политическими целями негосударственных субъектов. Личная мотивация может состоять, например, в чувстве вражды, мести и, в числе прочего, политических намерениях. Как известно, среди мотивов убийства Платон ставил на первое место — стремление к богатству, на второе — честолюбие [12, с. 406].

Осознание мировым сообществом всеобщей опасности пиратства привело к объявлению пиратов врагами всего человечества и стало основой международного консенсуса относительно возможности применения по отношению к ним универсальной юрисдикции государств. Декларация о морской войне, подписанная в Париже 4 (16) апреля формально запретила каперство [6, с. 29]. В Декларации провозглашалось: «Каперство есть и остается уничтоженным» (п. 1). В силу того, что использование вооруженного насилия частными лицами с целью захвата морских судов утратило легитимность, в концепции пиратства как преступления *jure gentium* стало формироваться в качестве его элемента *specific intent* — специальное намерение, которое состоит в *частных*, то есть негосударственных целях нападающих.

Понятие пиратства в международном и национальном праве не имело четких параметров и постоянно эволюционировало. Законодательством

многих стран пиратство рассматривалось как тяжкое преступление и наказывалось смертной казнью. Обратимся к юриспруденции Англии, которая, будучи морской державой, уделяла особое внимание проблеме пиратства. «В национальном праве пиратство *jure gentium*, как самое давнее международное преступление, имело разные интерпретации и элементы, замечают И. Бантекас и С. Наш. — До принятия Закона против преступлений на море в 1536 г. королем Генрхом VIII, пиратство каралось только в том случае, если было совершено в регионе, подконтрольном Короне. Закон в 1536 г. изменил юрисдикционный элемент, но не сущность пиратства — ограбление на море» [17, р. 96].

Юридическая концепция пиратства в английском праве была изложена уже в середине XVII в. Ч. Моллоу (1646–1690) в книге «*De jure maritimo et navali: or, a treatise of affairs maritime and of commerce*», которая впервые была издана в 1676 г. и многократно переиздавалась. Ч. Моллоу определяет пирата как «морского вора» (*sea thief*) или преступника *hostis humani generis*, который с целью обогащения внезапно нападает на морских торговцев» [31, р. 73–102].

Судья Дженкинс в 1668 г. писал: «Тот же грабеж, который может случиться на дороге, но который происходит в море, — это пиратство. Грабеж — не только присвоение моего имущества, но и страх, который я испытываю при нападении, когда у меня силой, с оружием, забирают имущество. Когда это происходит на море, оно является еще более устрашающим и называется пиратством» [34, р. 283]. Судья Дженкинс также утверждал, что «все пираты и морские разбойники находятся вне закона всех народов, то есть не подлежат защите правителей и законов», «каждый должен быть уполномочен и вооружен для борьбы с ними как с мятежниками и предателями, для того чтобы подавить и искоренить их». Д. Коломбос сравнивает это мнение с решением лорда Стоуэлла по делу «*Le Louis*», в котором говорилось: «Не может быть мира с профессиональными пиратами. Они враги каждой страны, и поэтому по отношению к ним всегда действуют чрезвычайные права войны». Пиратство состоит в актах применения силы, совершенных в открытом море при отсутствии признанного на то правомочия и за пределами юрисдикции какого-либо цивилизованного государства» [5, с. 386].

Международное право с XVII в. определяло пиратство как «любой акт ограбления в открытом море, не санкционированный государством и совершенный в духе враждебности» [20, р. 559]. При этом международно-правовая и внутригосударственная интерпретация этого понятия иногда существенно различались. В «Новом словаре права» Дж. Джейкоба и Дж. Холта в 1750 г. в статье «*Pirates*» утверждается: «Если пираты грабят корабль в порту или бухте, — это не является пиратством, а является ограблением согласно праву народов. Однако в соответствии с общим правом (*common law*) — это является пиратством» [25].

Судья Высшего Адмиралтейского Суда Англии Чарльз Хейдж по делу *Nix v. Dawson* (в 1696 г.) дал следующую дефиницию пиратства: «Пиратство — это просто морское определение ограбления (robbery)» [29, р. 316]. Концепция, согласно которой «вооруженное ограбление, разбой в открытом море», — это пиратство в соответствии с правом народов», имела многих авторитетных сторонников [21, р. 6]. Тем не менее она не была универсально признанной. Определение пиратства как «robbery» подвергалось критике как слишком узкая и в то же время слишком широкая интерпретация [30, р. 217].

Судья Верховного Суда США Дж. Маршал в 1819 г. заявлял: «Я имею сомнения относительно самого существования такого понятия, как «пиратство», определенным соответственно правом народов. Мне кажется очевидным, что любое государство будет карать грабеж в открытом море в соответствии с ее собственными законами и актами» [19, р. 288].

Неоднократно возникал вопрос, может ли государство разрешать акты пиратства и тем самым освобождать от ответственности лиц, их совершающих. В 1853 г. Лашингтон при рассмотрении дела судна «Magellan Pirates» утверждал: «Даже независимое государство, по моему мнению, может быть виновно в совершении актов пиратства». Совершавшиеся во время первой и второй мировых войн германскими подводными лодками преступные действия против торговых судов в открытом море послужили поводом для дальнейшего обсуждения этого вопроса. Хайд придерживался мнения, что «государственная санкция на совершение актов пиратства не должна освобождать пиратов от ответственности за их неправомерные с точки зрения международного права деяния» [5, с. 388–389].

Особый интерес в рассматриваемом нами контексте представляет решение по делу *Piracy Jure Gentium*, рассмотренному согласно особому указанию ст. 4 Закона о судебном комитете 1833 г., в котором Тайный совет воздержался от собственного определения понятия пиратства, поддержал ранее сформулированное понятие, согласно которому «пиратством является всякий акт вооруженного насилия на море, который не является правомерным актом войны», считая это определение «наиболее точным и вместе с тем кратким» [5, с. 387].

Д. Коломбос определял пиратство как «акты применения силы, совершенные в открытом море при отсутствии признанного на то правомочия и за пределами юрисдикции какого-либо цивилизованного государства». При этом, по мнению Д. Коломбоса, «не обязательно, чтобы мотивом являлось извлечение личной выгоды; мотивом может быть также беспричинная ненависть или личная месть за действительное или мнимое повреждение или оскорбление, нанесенное лицами или категорией лиц или каким-либо отдельным органом государственной власти, — писал Д. Коломбос. — С другой стороны, убийство и грабеж, совершенные на судне, не обязательно квалифицируются как акты пиратства.

Они подлежат наказанию в соответствии с законодательством государства флага. Убийцы и грабители становятся пиратами в том случае, если действия против судна совершены в целях обращения его и его груза в их собственную пользу» [5, с. 387].

Национальные суды занимали различные позиции относительно основных признаков пиратства. Так, Верховный Суд Филиппин в феврале 1922 г. принял решение об осуждении к смертной казни преступника, который напал на датское судно вблизи Индонезии с пиратским намерением и действия которого были обременены изнасилованием на судне. Суд решил: «Пиратство не имеет территориальных пределов. Оно может быть совершенным даже на территории 3 миль прибрежного государства» [39, р. 260]. Существует большое количество дел, решение по которым было вынесено в соответствии с внутригосударственным правом Англии, США или других государств, однако, поскольку внутригосударственные законы о пиратстве отличаются от государства к государству, их полезность в качестве вспомогательных материалов для решения современных проблем в международном контексте достаточно ограничена [22, р. 6–10].

Несмотря на разнообразие подходов, в целом, к середине XIX столетия утвердилось понятие пиратства как «классического» международного преступления — преступления *jure gentium*, которое представляло опасность для мирового сообщества и подлежало универсальной юрисдикции. Пираты объявлялись врагами рода человеческого — *hostis humani generis*. «Общность интересов всех культурных государств по отношению к некоторым сферам деятельности ведет к тому, что за некоторые деяния, направленные против общих интересов, наказывают, не обращая внимания на место совершения деяния, по законам государства, задержавшего преступника, — утверждал Ф. Лист (1909). — Таковыми общими интересами являются: международный торговый оборот; безопасность великих путей сообщения; обеспечение монетного и денежного дела; защита от международных врагов — «*hostes generis humani*», каковы морские разбойники...» [9, с. 221]. В 1917 г. Н. А. Захаров писал: «К числу... преступных деяний, наказуемых согласно обычаю международного права, относится столь распространенный ранее, но встречающийся и поныне морской разбой, или пиратство, под именем которого понимается вооруженное нападение, совершенное частными лицами в открытом море на корабль, с целью захвата этого корабля, находящегося на нем груза или же лиц, плывущих на нем. Пиратским судном может быть лишь частное судно, не имеющее от отечественной государственной власти специального разрешения на производство осмотра и захвата судов в открытом море, и поэтому действующее в интересах личной выгоды. Поэтому, если бы, несмотря на постановление Парижской декларации 4 (16) апреля 1856 г. об отмене каперства, государство, подписавшее эту декларацию, выдало бы каперское свидетельство частным судам, последние не считались бы пиратскими, и за

действия их отвечало бы государство, выдавшее каперское свидетельство... Так как задачей пиратской деятельности является личное обогащение самих пиратов, совершающих нападения на корабли всех наций, то, естественно, судно этих разбойников с точки зрения международного права не имеет национальности, почему оно может быть захвачено военными судами любого государства и судимо по военным законам...» [4, с. 232].

Относительно того, что акты пиратства могут быть совершены только частными лицами, устойчивого консенсуса, впрочем, не существовало. «Действия германских подводных лодок послужили непосредственной причиной принятия Вашингтонской конференцией 1922 г. резолюций о ведении морской войны, в которых указывалось, что любое лицо, нарушающее нормы международного права, если даже оно действует по приказу свыше, может преследоваться в судах любого государства «как за акты пиратства». Эти резолюции, впрочем, не вступили в силу. Вопрос был рассмотрен квалифицированными юристами Организации Объединенных Наций немедленно после окончания Второй мировой войны, причем в официальном порядке было объявлено, что должны быть изысканы средства для надлежащего наказания всех неприятельских лиц, признанных виновными в совершении преступных актов насилия» [5, с. 388—389].

Попытки кодификации международно-правовых норм, касающихся пиратства, предпринимались Лигой Наций, но успехом не увенчались [7, с. 7]. Неспособность мирового сообщества принять конвенцию о пиратстве в 30-х годах прошлого века может свидетельствовать о том, что в тот период отсутствовало универсальное приемлемое определение этого преступления. Значительную путаницу в интерпретацию международно-правовой концепции пиратства внесло подписанное и вступившее в силу в сентябре 1937 г. Нионское соглашение, участниками которого были такие крупные державы, как Болгария, Великобритания, Греция, Египет, Румыния, СССР, Турция, Франция, Югославия. Этот договор в своей преамбуле содержал следующее заявление: «Принимая во внимание, что в связи с испанским конфликтом в Средиземном море были совершены подводными лодками повторные нападения на торговые суда, не принадлежащие ни одной из сторон борющихся в Испании; что эти акты являются нарушением правил международного права, изложенных в IV части Лондонского договора от 22 апреля 1930 г., об уничтожении торговых судов, что они противоречат самым элементарным принципам человечности и что они должны быть по всей справедливости квалифицированы как акты пиратства; (should be justly treated as acts of piracy) [33]. В Дополнительном соглашении к Нионскому соглашению, статье II, говорилось: «Настоящее Соглашение применимо ко всякому нападению, произведенному в Средиземном море на какое-либо торговое судно, не принадлежащее ни одной из воюющих в Испании сторон, каким-либо надводным кораблем или воздушным судном,

не считающимся с принципами человечности, освященными международным правом, при войне на море, изложенными в части IV Лондонского договора от 22 апреля 1930 г. и подтвержденными Протоколом, подписанным в Лондоне 6 ноября 1936 г.» [15]. Нионское соглашение позволяет высказать серьезные сомнения относительно того, что в первой половине XX века окончательно сложилась концепция пиратства как международного преступления *jure gentium*. Более того, оно свидетельствует о серьезных расхождениях в понимании его международно-правового содержания.

Трудности согласования определения пиратства отразились на процессе выработки этого понятия Комиссией по международному праву. Несмотря на существенные расхождения в правовых и политических позициях членов Комиссии, Конвенция об открытом море, содержащая определение пиратства, была разработана и принята. Согласованное определение было включено впоследствии в Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Широко распространено мнение, что конвенционное определение отражает международно-правовой обычай, определяющий пиратство как преступление *jure gentium*, в силу чего нормы, формулирующие это понятие, имеют правовое значение для всех государств, вне зависимости от того, являются ли они участниками договора [18]. В то же время многие специалисты настаивают на том, что конвенции содержат только частичную кодификацию обычного права о пиратстве. По их мнению, данное определение носит сугубо договорный характер, не соответствует в полной мере обычно-правовому представлению о пиратстве, а содержащиеся в них нормы, касающиеся пиратства, связывают только их участников [32, р. 105].

В любом случае, конвенции служат веским доказательством существования международно-правового обычая, наделяющего государства универсальной юрисдикцией в отношении актов пиратства. Понятие пиратства, основанное на обычном международном праве, оказывается настолько аморфным, что его исследователи приходят к различным выводам относительно элементов и границ этого понятия [32, р. 109–110]. Профессор А. П. Рабин, глубоко изучив историю пиратства и борьбы с ним с глубокой древности, заключил, что понятие пиратства как преступления против общего международного права не построено на достаточно последовательной практике [35]. Однако, при всей «неопределенности», «аморфности» обычно-правового определения пиратства, отказаться от его применения невозможно, так как именно оно, в первую очередь, является международно-правовым основанием универсальной юрисдикции государств в отношении пиратских действий. На протяжении всей истории пиратства мотивация его действующих лиц далеко не всегда ограничивалась целями личного обогащения и не исключала политических компонентов.

Безусловно, современное понимание пиратства существенно отличается по своим правовым характеристикам от античного или средневеко-

вого понимания этого феномена. Оно, как представляется, существенно отличается (или должно отличаться) и от той модели, которая утвердилась и получила конвенционное подтверждение во второй половине XX века — в период «холодной войны». Основная проблема конвенционного определения состоит в указании на личные цели нападающих. В условиях, когда основная опасность от актов пиратства исходит в ситуациях, когда «частные» цели тесно переплетены с политическими, а некоторые негосударственные организации соперничают по своей мощи с государствами, критики сформулированного в конвенциях определения пиратства справедливо указывают на неадекватность исключения из определения любых проявлений политического экстремизма [26, р. 272; 28]. Очевидно, что в то время, в условиях идеологической конфронтации, доходящей до мракобесия с обеих сторон, универсальная юрисдикция могла быть допущена только по абсолютно деполитизированным пиратским акциям. Для того чтобы универсальная юрисдикция была распространена на все акты захвата морских судов в открытом море, в том числе имеющих политическую мотивацию или политический контекст, нужен определенный, весьма высокий, уровень единства мирового сообщества в осуждении таких актов и готовности к их преследованию. В современных условиях этот уровень не является недостижимым. Эволюция юридической концепции пиратства *jure gentium* не завершена: ее распространение, в соответствии с современными реалиями, на политически мотивированные акции расширяет возможности международного сотрудничества в борьбе с вооруженным захватом морских судов, в силу чего является желательным и исторически обоснованным.

Л и т е р а т у р а

1. Генеральный Секретарь ООН. Послание по случаю всемирного дня океанов 8 июня 2009 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.un.org/Depts/los/reference_files/oceansday2009.Russian.pdf.
2. Григорян В. Л. Пиратство, разбой и терроризм на море / В. Л. Григорян, В. И. Дмитриев. — М. : ИКЦ «Академкнига», 2004.
3. Дрьоміна Н. В. Юрисдикція міжнародних кримінальних судів і трибуналів : монографія / Н. В. Дрьоміна. — О. : Фенікс, 2006.
4. Захаров Н. А. Курс общего международного права / Н. А. Захаров. — Петроград, 1917.
5. Колумбос Д. Международное морское право : пер. с англ. / Д. Колумбос. — М. : Прогресс, 1975.
6. Коровин Е. А. Международные договоры и акты нового времени / Е. А. Коровин. — М. ; Ленинград : Госиздат, 1924.
7. Короткий Т. Р. Международно-правовое обеспечение противодействия пиратству / Т. Р. Короткий. — О. : Фенікс, 2009.
8. Куманев Д. С. Проблема пиратства как разновидности терроризма и ее влияние на региональную безопасность в АТР / Д. С. Куманев // Ойкумена. — 2010. — № 2.
9. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / Ф. Лист ; пер. и ред. В. Э. Грабаря. — Юрьев (Дерпт), 1909.

10. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1 / Ф. Ф. Мартенс. — 5-е изд., доп. и испр. — С.Пб.: Тип. М-ва путей сообщ. (А. Бенке), 1904.
11. Нейдинг М. М. Пираты Черного моря / М. М. Нейдинг, Р. М. Короткий. — О.: БАХВА, 1994.
12. Платон. Законы / Платон // Сочинения: в 3 т. — М., 1972. — Т. 2, ч. 2.
13. Прус В. Притяжение насилия. Циклы трагедий / В. Прус, Р. Короткий. — О.: Феникс, 2009.
14. Сидорченко В. Ф. Морское пиратство / В. Ф. Сидорченко. — С.Пб.: Изд. дом СПбГУ, 2004.
15. Agreement supplementary to The Nyon Agreement, 181 L.N.T.S. 137, entered into force Sept. 17, 1937 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www1.umn.edu/humanrts/instrree/1937a.htm>.
16. Alexandrowicz Ch. H. Studies in the history of the law of nations / Ch. H. Alexandrowicz // British Yearbook of International Law. — 1972. — Vol. 2. — P. 203–205.
17. Bantekas I. International criminal law / I. Bantekas, S. Nash. — 2nd ed. — Routledge Cavendish, 2003.
18. Barrios E. Note, Casting a Wider Net: Addressing the Maritime Piracy Problem in Southeast Asia / E. Barrios // Boston College International & Comparative Law Review. — 2005. — N 28. — P. 149–153.
19. Benjamin Munn Ziegler. The international law of John Marshall / Benjamin Munn Ziegler. — Ed. reprint. — The Law Book Exchange, Ltd.
20. Bishop J. P. Commentaries on the criminal law. Vol. 2 / J. P. Bishop. — 4th ed. — Little, 1868.
21. Dickinson S. N. The Pirates own book; or, Authentic narratives of the lives, exploits, and executions of the most celebrated sea robbers: With historical sketches of the Joassamee, Spanish, Ladrone, West India, Malay, and Algerine pirates / S. N. Dickinson. — F. Blake, 1855; Original from the New York Public Library 2009.
22. Dubner B. H. The law of international sea piracy / B. H. Dubner. — BRILL, 1980.
23. Engdahl O. Protection of personnel in peace operations: the role of the «safety convention» against the background of general international law / O. Engdahl; ed. Martinus Nijhoff. — 2007.
24. Gilbert G. Responding to international crime / G. Gilbert; ed. Martinus Nijhoff. — 2006.
25. Giles J. A new law-dictionary: containing the interpretation and definition of words and terms used in the law; and also the whole law and practice thereof, under all the heads and titles of the same: together with such informations relating thereto, as explain the history and anitquity of the law... / J. Giles, J. Holt. — 5th ed. — 1750; The Law Book Exchange, Ltd., 2004.
26. Halberstam M. Terrorism on the High Seas: The Achille Lauro, Piracy and the IMO Convention on Maritime Safety / M. Halberstam // The American journal of international law. — Vol. 82. — P. 269–310.
27. Joyner N. D. Aerial hijacking as an international crime / N. D. Joyner. — Brill Archive, 1974.
28. Keith M. War, Piracy and Terror: the High Seas in the 21st Century / M. Keith // The Journal of International Maritime Law. — 2006. — Vol. 12, issue 5. — P. 313–324.
29. Kenny C. S. Outlines of Criminal Law. Based on Lectures Delivered in the University of Cambridge (1911) / C. S. Kenny. — Adamant Media Corporation, 2006.
30. Lauterpacht H. International Law Reports. Vol. 7 of International Law Reports Set Complete set / H. Lauterpacht. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1940.
31. Molloy Ch. De jure maritimo et navali: or, a treatise of affairs maritime and of commerce / Ch. Molloy. — London: J. Walthoe junior, J. Wotton, 1722.

32. Noyes J. E. An Introduction to the International Law of Piracy / J. E. Noyes // California Western International Law Journal. — 1990. — N 21.
33. The Nyon Agreement, 181 L.N.T.S. 137, entered into force Sept. 14, 1937. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www1.umn.edu/humanrts/instreet/1937a.htm>.
34. Phillimore R. Commentaries upon international law. Vol. 1 / R. Phillimore. — T. & J. W. Johnson, 1854. ; Original from Harvard University, 2007.
35. Rubin A. P. The law of piracy / A. P. Rubin. — Univ. Press of the Pacific, 2006. — 460 p.
36. Sarah B. The United States and the International Criminal Court: national security and international law / B. Sarah, Sewall C. Kaysen. — Rowman & Littlefield, 2000.
37. Schwarzenberger G. The Problem of an International Criminal Law / G. Schwarzenberger.
38. Simbeye Y. Immunity and International Criminal Law / Y. Simbeye. — Ashgate, 2004.
39. Verzijl J. H. W. International law in historical perspective. Vol. 4 / J. H. W. Verzijl. — Martinus Nijhoff, 1971.

А н н о т а ц и я

Зелинская Н. А. Пиратство как преступление *jure gentium*. — Статья.

В статье рассматривается развитие концепции пиратства как преступления *jure gentium*, сложившейся на протяжении многих веков взаимодействия государств в борьбе с этим видом преступности. Исследуются международные и внутригосударственные юридические характеристики пиратства. Подчеркивается, что на протяжении всей истории пиратства мотивация морских разбойников не ограничивалась целями личного обогащения и не исключала политических компонентов. Автор приходит к выводу, что эволюция юридической концепции пиратства *jure gentium* не завершена: ее распространение, в соответствии с современными реалиями, на политически мотивированные акции расширяет возможности международного сотрудничества в борьбе с захватом судов, в силу чего является желательным и исторически обоснованным.

Ключевые слова: международное право, международное преступление, пиратство, универсальная юрисдикция.

А н о т а ц і я

Зелінська Н. А. Піратство як злочин *jure gentium*. — Стаття.

У статті розглядається розвиток концепції піратства як злочину *jure gentium*, що склалася протягом багатьох століть взаємодії держав у боротьбі з цим видом злочинності. Досліджуються міжнародні та внутрішньодержавні юридичні характеристики піратства. Підкреслюється, що протягом всієї історії піратства мотивація морських розбійників не обмежувалася цілями особистого збагачення і не виключала політичних компонентів. Автор приходить до висновку, що еволюція юридичної концепції піратства *jure gentium* не завершена: її поширення, відповідно до сучасних реалій, на політично мотивовані акції розширює можливості міжнародного співробітництва в боротьбі із захопленням судів, в силу чого є бажаним і історично обґрунтованим.

Ключові слова: міжнародне право, міжнародний злочин, піратство, універсальна юрисдикція

S u m m a r y

Zelinskaya N. A. Piracy as a crime *jure gentiu*. — Article.

The article examines the evolution of the concept of piracy as a crime *jure gentium*, developed over many centuries of states' interaction in combating this type of crime. The international and national legal characteristics of piracy are described. It is emphasized that throughout the history of piracy, the pirates' motivation was not limited only to the purpose of personal enrichment and did not exclude the political components. The author concludes that the evolution of the legal concept of piracy *jure gentium* has not finished: its expansion, in line with modern realities, towards politically motivated actions increases the potential for international cooperation in counteracting seizure of ships, which makes it desirable and historically grounded.

Keywords: international law, international crime, piracy, universal jurisdiction